

МИШЕЛЬ МИН
СТЕРЛИНГ

ЛАГЕРЬ
“ЗЕРО”

Перевод
Ксении Гусаковой

роман

МИОО

Мишель Мин Стерлинг

Лагерь «Зеро»

Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69584038

Мишель Мин Стерлинг. Лагерь «Зеро»: Манн, Иванов и Фербер; Москва;

2023

ISBN 9785002141883

Аннотация

В недалеком будущем, когда глобальное потепление превратилось в реальную угрозу, люди начали перебираться все дальше на север в поисках места, где еще можно дышать полной грудью. На самом севере Канады команда во главе с амбициозным американским архитектором начинает строительство проекта «Лагерь „Зеро“» – поселения нового времени, которое поможет спасти множество людей от невыносимой жары.

Розе выпадает шанс присоединиться к Цветам – группе молодых женщин, нанятых развлекать мужчин в лагере. Но ее настоящая миссия – тайно следить за эксцентричным архитектором. Взамен она получит пригодный для жизни дом для себя и своей матери.

Роза быстро завоевывает доверие архитектора, но обнаруживает, что у всех в лагере есть скрытые мотивы и секреты. Ей приходится балансировать между личными

моральными ориентирами и миссией, которая может изменить ее будущее...

Для кого эта книга

Для читателей остросюжетной прозы и дистопий.

Для поклонников «Рассказа служанки» Маргарет Этвуд и «Станции Одиннадцать» Эмили Сент-Джон Мандел.

Для тех, кому понравились сериалы «Сквозь снег» и «Игра в кальмара».

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Глава 1. Роза	7
Глава 2. Грант	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мишель Мин Стерлинг

Лагерь Zero

Original title:

CAMP ZERO

by Michelle Min Sterling

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

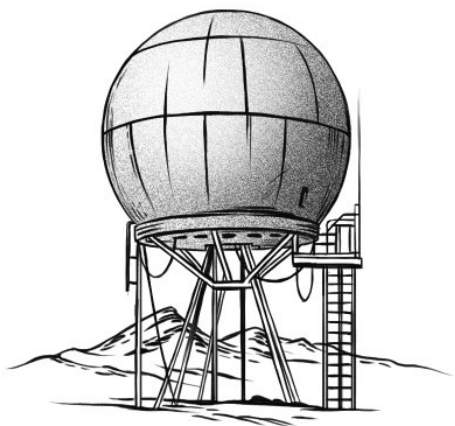
Copyright © 2023 by Michelle Min Sterling

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Для А & А

Глава 1. Роза

Цветы получают новые имена в самый короткий день года. Шесть женщин. Все незнакомки. Они стоят на пустой парковке и ждут заселения. Снег выбелил округу, облепил крышу обветшалого торгового центра, одного из немногих зданий, все еще стоящих на этом обледенелом участке шоссе.

Последняя в очереди останавливается, вдыхает холодный воздух. На севере холоднее, чем она ожидала, а снег – нежнее. Она снимает перчатку и смотрит, как снежинка тает на ладони. Цветок никогда не видела снега, и снежинка освежает кожу, словно прохладная ткань на разгоряченном лбу.

Когда она добирается до входа в торговый центр, ее но-

вая Мадам представляется как Юдифь. Она совсем не похожа на предыдущую, которая разгуливала в льняной тунике и сандалиях из телячьей кожи. Юдифь одета в парку на меху, черные зимние штаны и ботинки со стальными носками, будто ее наняли снести этот полуразрушенный торговый центр.

– Ты будешь Роза, – зачитывает Мадам с планшета.

– Роза, – повторяет Цветок.

Приторное, сентиментальное имя. Как бабуля, которая хранит в морозилке яблочные пироги. А она-то ждала, что ей дадут псевдоним в духе азиаток из «Петли», где она раньше работала: Нефрит, Мэй, Лотос. Неважно, что эти имена избиты или что она наполовину белая, наполовину корейка. Тогда в Плавучем городе этническая принадлежность считалась готовым брендом.

Юдифь понижает голос:

– Я хотела дать вам, девчонкам, возможность самим выбрать себе имена. Но Мейер любит делать все по-своему.

– Мейер – мой клиент? – спрашивает Роза, стараясь сохранить небрежный тон.

– Ему не нравится, когда мы используем это слово. Считай его компаньоном. – Юдифь распахивает дверь, и Роза проходит внутрь. – Добро пожаловать в торговый центр «Миллениум».

Комнаты Цветов находятся в его задней части, в универмаге, который давным-давно разграблен. Металлические вешалки для одежды свалены беспорядочными горами, зеркала

ла покрыты пятнами. Роза катит чемодан мимо парфюмерной витрины – там все еще висит реклама с изображением сияющего женского лица, которое прижимается к щетинистой щеке модели-мужчины, – и ощущает слабый запах искусственной гардении. Мать никогда не пользовалась духами и Розе не позволяла. Она хотела, чтобы их запах оставался естественным, как морской бриз полуострова.

– Когда он закрылся? – спрашивает Роза.

– Пятнадцать лет назад, – отвечает Юдифь. – Как только перестали бурить платформы, его закрыли первым.

Юдифь ведет Розу в бывший мебельный отдел, где вдоль гулкого коридора из фанеры выстроено жилище Цветов. Каждый вход обрамлен светом, из-за дверей доносятся звуки: остальные девушки заняты распаковкой вещей.

Юдифь открывает дверь в комнату, предназначенную для Розы, и кладет ее единственный чемодан на кровать красного дерева с балдахинном. На полу расстелена медвежья шкура, к потолку привинчена хлипкая пластиковая люстра. У стены стоит туалетный столик с зеркалом и небольшим табуретом с мягким сиденьем. В комнате неприятно пахнет сырым кожзаменителем.

Дэмиен, ее бывший клиент, который и устроил Розу на эту работу, предупреждал, что здешний лагерь будет скромным, однако ни словом не обмолвился, что придется ютиться в заброшенном торговом центре. Но уже поздно предъявлять ему претензии. До тех пор, пока задание не будет выполнено,

переговорить с ним не удастся. У Розы есть лишь контакт в лагере, который, как обещал Дэмиен, в подходящий момент выйдет на связь. Не Юдифь ли это, гадают Роза, но затем решает, что для подобной аферы женщина с планшетом кажется излишне прямолинейной.

– Вода нагревается до комнатной температуры, – говорит Юдифь и показывает Розе «Санитарный график», прикрепленный к двери спальни. Цветы будут пользоваться общим туалетом, в котором с помощью насадки к крану раковины приделан импровизированный душ. – Мы держимся благодаря топливу и должны экономить запас.

– Разве топливо не запрещено? – удивляется Роза. В Плавучем городе использование топлива вызывает возмущение у людей не меньше, чем убийства.

– В лагере нет ничего запрещенного, – отвечает Юдифь. – Поэтому мы живем особняком. Нам повезло: мы имеем право сами себе устанавливать правила.

Похожи ли эти правила, гадают Роза, на те, что действуют в Плавучем городе, и работают ли на благо тех, кто их создал. Если так, то вряд ли их диктует Юдифь. Женщина производит впечатление менеджера среднего звена, наемной работницы, которой платят за надзор за Цветами и чье влияние в лагере ограничено внутренним обустройством спален. Но для Розы Юдифь, по сути, начальница, и поэтому придется изображать напускное равнодушие искушенной эскортницы, чтобы новая Мадам ничего не заподозрила. Даже если

Юдифь заправляет лишь выделенной Цветам частью лагерь, она все-таки обладает некоей властью, а это уже больше, чем Роза может сказать о себе.

Юдифь требует от Розы выложить содержимое чемодана на покрывало. Роза вываливает его кучей: пара комбинаций, облегающее коктейльное платье, черное шелковое платье, шелковый халатик, льняная пижама, свитер из мериносовой шерсти, две пары брюк, несколько блузок, носки, нижнее белье, чулки со швом, блестящие туфли на каблуках, ботинки из телячьей кожи, резинки для волос и косметика. Юдифь спокойно и сосредоточенно осматривает каждую вещь.

– Что вы ищете? – спрашивает Роза.

– Острые грани и наркотики. – Юдифь включает на ночном столике лампу с абажуром из черного кружева, освещая стопку книг. – Мы содержим дом в чистоте. Разрешены только выпивка и сигареты.

Юдифь пробегает пальцами по всем швам, роется в косметичке, открывает помады и пудру. Розе вдруг хочется вырвать у женщины из рук свою одежду. Вместо этого она берет из стопки книгу в твердом переплете, «Здание в руинах», с фотографией молодого бородатого мужчины с серьезным выражением лица, помещенной на суперобложке. Рукава его рубашки закатаны до локтей, а сам он стоит на выжженном клочке пустыни, рядом с домом в стиле модерн.

– Непреложный манифест о том, как в истреблении найти проблески надежды, – читает Роза текст на обороте. – Стоит

попробовать?

– О, любишь читать? – Похоже, Юдифь удивлена. – Можешь сама узнать. Это первая книга Мейера, опубликованная им сразу после окончания архитектурного. Здесь все его труды. – Юдифь постукивает по другой книге, которая называется «Утопия в антропоцене». – Ему нравится, если среди нас образованные.

На мгновение Розу перестает заботить и запах плесени, и что панель потолка вот-вот обвалится, и даже то, что новая Мадам считает ее, Розу, неграмотной. Здесь лежат книги Мейера – бери и читай. Победа, маленькая, но очень важная. Знание того, что Мейер думает и чувствует, станет первым шагом к завоеванию его доверия. И от этого зависит все, что пообещал Дэмиен.

– Комната очень... – Роза ищет подходящее слово, – уютная.

Юдифь бросает на нее взгляд и смеется.

– Чушь собачья, сама понимаешь. Здесь смердит дохлой животиной. Но придется смириться. Давай-ка покажу тебе кухню.

Юдифь ведет Розу по темному коридору в помещение, где пахнет свежей краской и промышленным клеем. Оно совсем не похоже на изысканные столовые «Петли», в которых Роза обычно обедала с клиентами. Здешняя кухня выглядит как бывшая комната отдыха для персонала: она оборудована микроволновкой, электрической плитой на две конфорки

и маленьким холодильником, гудящим в углу. В другом углу стоят белый пластиковый стол, какой обычно зарастает плесенью на заднем дворе, и стопка садовых стульев.

Кухня лагеря, скорее всего, не имеет винного погреба, зато в ней естественное освещение. Роза подходит к высокому, от пола до потолка, окну и смотрит, как на деревья мягко падает снег. Этот вид будет приютом ее души.

– Снег такой чистый, что хоть ложкой ешь, – замечает Юдифь.

Роза впечатлена. Даже в Плавучем городе воду приходится прогонять через фильтры. Или озонировать? Роза не может вспомнить. Она касается себя за левым ухом, чтобы уточнить ответ, но Юдифь указывает на стул.

– Я зачитаю короткое заявление, и в случае твоего согласия мне нужно получить устное подтверждение.

Роза усаживается за стол и кивает.

– ...Известная как Роза, согласна ли ты пройти процедуру удаления Флика на три месяца, – Юдифь бросает взгляд на свои цифровые наручные часы, – начиная с тринадцати часов двенадцати минут 21 декабря 2049 года?

Роза знает, что выбора у нее нет.

– Да.

– Можешь ко мне наклониться?

Юдифь расстегивает кожаную сумку и натягивает латексные перчатки.

Роза перекидывает волосы через плечо:

– Будет больно?

– Не больше, чем при установке. – Юдифь собирает волосы Розы в резинку и щупает за левым ухом, пока не находит характерную шишечку. – Ты была среди первых, кому поставили имплант, верно?

– Откуда вы знаете?

– У тебя Флик первого поколения, его легче обнаружить.

Роза получила Флик в пять лет. Пока его установка при рождении не стала обычным делом, каждый ребенок получал его перед тем, как пойти в детский сад. По программе «Один ребенок – один Флик». Местная медсестра просканировала глаза и отпечатки пальцев Розы, затем зафиксировала данные ее лица с помощью флеш-фотографии, следом попросила Розу помахать роботу-имплантатору с улыбчивым лицом и жутковатыми немигающими глазами. Тот помахал в ответ, а потом сделал три крошечных прокола вдоль макушки Розы, переплетая нити электродов через синапсы ее мозга. Когда ей за левым ухом сделали двухмиллиметровый надрез, Роза ощутила нажим и маленькую вспышку боли. После того как робот вставил туда отливающий цветами радуги чип, по щеке Розы скатилась одинокая слезинка.

Юдифь надавливает снова, теперь сильнее.

– Вот ты где. – Она отмечает место ручкой. – Считаю до трех. Как комарик укусит.

Юдифь снимает колпачок с металлического поршня, плотно прижимает его к коже. Роза прикрывает глаза. Со-

суший звук, нарастающее давление, а потом отчетливый «чпок».

– Вот и все. – Юдифь убирает Флик в пробирку с помощью пинцета.

– Можно посмотреть? – спрашивает Роза, когда женщина запечатывает пробирку.

Юдифь пожимает плечами, протягивает маленький сосуд:

– Конечно, он же твой.

Роза никогда не видела свой Флик, хотя он пробыл в ее теле целых двадцать лет. Он объемнее применяемых сейчас, размером примерно с ноготь ее мизинца, и почти прозрачный. А когда Роза наклоняет пробирку из стороны в сторону, Флик мерцает и переливается биолюминесцентными цветами: коралловым, зеленым и топазовым.

– Новые ощущения? – интересуется Юдифь.

Роза смотрит в верхний левый угол кухни, моргает: раз, другой, третий – ничего. Канал не отображается. Как будто что-то умерло. Нет, не просто умерло, а вымерло, окончательно и бесповоротно.

Последняя история, которую Роза видела через Флик, была о тигре Самсоне, который умер от теплового удара в Бронкском зоопарке. Достойный появиться в канале заголовков, ведь речь идет об одном из последних тигров на планете, обычно триггерит бурный поток историй: статья в энциклопедии о тиграх в неволе; старинные кадры, на которых тигрята катаются в грязи; лекция, которую биолог чита-

ет о проблемах выращивания крупных кошек в условиях потепления климата; тигровые полоски; тигровое мороженое; плюшевые тигры; люди в тигриных костюмах.

Роза, сосредоточившись, снова думает: «Тигр». Канала все нет.

Вместо этого Роза вспоминает тигра, которого однажды увидела в зоопарке «Франклин-Парк» в Бостоне, когда тот был еще открыт для посещения, а местный тигр – жив. Мама отвела Розу туда отметить ее шестой день рождения, что случилось не часто в их жизни на полуострове. Воспоминание размыто, но если закрыть глаза, то оно становится более отчетливым: мама, непривычно молодая, ест дорогое мороженое, сидя на обжигающе-горячей стальной скамейке. Вот она передает рожок Розе и держит под ее подбородком салфетку, пока та облизывает лакомство. А потом, когда от мороженого не остается ни крошки, она поднимает Розу, чтобы та посмотрела на зверя за решеткой, и между матерью и дочерью расцветает счастье, которое на ее родном языке звучит очень необычно.

«Хоранги», – говорит мать и указывает на тигра.

Роза виснет на ее руках, пытаясь привлечь внимание потрясающего полосатого зверя и повторяя слово на корейском. Запинается на втором слоге, и щеки начинают гореть от смущения. Тигру плевать на ее плохое произношение. Он сидит совершенно неподвижно, словно застыл в янтаре, лишь моргает, когда муха садится на темную складку глаза.

Пыльная картинка из прошлого, явившаяся из тонкого эфира. Дэмиен предупреждал, что без Флика память может неожиданно преподносить сюрпризы, но Роза не ожидала, что воспоминания будут казаться такими недавними. Она закрывает глаза – мать все еще там, звучит ее смех, который Роза совсем позабыла.

– Не могу открыть канал, – говорит Роза и возвращает Флик Юдифи.

Мадам убирает пробирку в деревянную шкатулку.

– Привыкнешь. Мейер хочет, чтобы Цветы были чисты, не испорчены технологиями.

Роза машинально трогает себя за ухом. Там нет ничего, кроме синей чернильной точки.

* * *

В свое первое утро в лагере Цветы собираются на завтрак в кухне, на каблуках, под флуоресцентным светом щеки блестят от пудры, губы сияют блеском. Снаружи пока царит крошечная тьма. Цветы изящно сидят за пластиковым столом, но без Фликов, отвлекающих внимание; пальцы постукивают по столешнице, рассеянно теребят браслеты на запястьях, тонкую золотую нить на шее. Взгляд то и дело по привычке направляется к углам комнаты, но развлекательный канал все не появляется. И девушки продолжают смотреть друг на друга.

Юдифь говорит, что они – первые Цветы в лагере и должны гордиться тем, что предпочтение отдано им.

– Мы рассматривали многих девиц, – произносит она, прицепляя каждой из них над сердцем бирку. – Отобрали только вас, шестерых.

Они быстро запоминают свои новые имена: Ирис, Жасмин, Фиалка, Флёр, Ива и Роза. Звучат довольно красиво. Как для королев школьного выпускного. Роза, представляясь, внимательно изучает каждую.

Та, которую зовут Ирис, пахнет душистым инжиром. У нее низкий, чувственный голос, и когда она улыбается всем Цветам по очереди, в уголках ее глаз на мгновение появляются морщинки. Ее рыжие волосы собраны в тугий пучок, она одета в белую шелковую блузку с большим бантом на воротнике. В клубе у Авалон в «Петле» зрелым хостес, таким как Ирис, поручали изучение святой троицы: политики, путешествий, гольфа – тем, которые любили обсуждать за ужином пожилые клиенты определенного происхождения, прежде чем удалиться в номер на сеанс легкой щекотки или порки.

Волосы Жасмин подстрижены в виде прямого каре, и у нее длинные, изящные пальцы человека, искусного в игре на пианино или составлении букетов. То, что Авалон назвала бы «классической красоткой»: ясные глаза, чистая кожа и прелестная шейка. Таких Роза тоже видела в «Петле»: шлюха голубых кровей родом из Новой Англии, получившая

образование в одном из последних элитных женских колледжей, где приобрела строгие манеры и эрудицию бостонского бизнес-класса. Девушка, что носит дизайнерский жакет и жемчуга как вторую кожу, умеет обращаться с вилок для салата и говорит на трех языках. Девушка на контракте. Спутница в путешествии. Отдых на частных яхтах и покрытых дюнами островах под охраной хорошо оплачиваемых головорезов в дешевых костюмах.

Фиалка – из Нового Орлеана, из исконно коренных жителей. Она рассказывает, что ее отец-креол был музыкантом и научил ее играть на полудюжине инструментов. Потом она получила частичную стипендию в известном музыкальном колледже Нью-Йорка, но вскоре бюджет сократили, и деньги кончились. Бросив учебу, Фиалка начала выступать с концертами в небольших клубах и встречаться с клиентами в кондоминиуме, который делила с четырьмя индивидуалками. На ней красный комбинезон, волосы заплетены в длинные косы.

Флёр – типичная блондинка и оправдывает сей факт тем, что она из Калифорнии. Она жила в прибрежном городке к северу от Сан-Хосе до того, как всех оттуда эвакуировали во время лесного пожара, а после свалила все свои вещи в машину и сбежала вглубь страны. Она нашла работу в «Доме голубой леди», одном из последних легальных борделей, все еще действующих в пустыне Невада, где с облегчением обнаружила бесплодную и безлесную землю. В свобод-

ное от обслуживания игроков и военных время она создавала скульптуры из разноцветного стекла и глины. После этой работы Флёр хочет больше заниматься искусством и надеется открыть свою первую выставку на неработающей заправке на окраине Лас-Вегаса, где установит скульптуры рядом с давно заброшенными топливными насосами. На Флёр покрашенная методом шибори туника, на запястьях позвякивают браслеты, когда она теребит именной бейдж на груди.

Цветок по имени Ива – единственная в повседневной одежде. Стройная девушка с бритой головой, в заляпанной спецовке, с подтянутым, гибким телом кикбоксера. В отличие от остальных Цветов она не объясняет ни откуда родом, ни почему здесь оказалась. Листает роман, покусывая ноготь, пока Юдифь не просит ее представиться. Ива поднимает глаза, с секунду окидывает взглядом Цветы, называет свое имя и тут же возвращается к книге.

Юдифь поворачивается к Розе:

– Роза присоединилась к нам из Плавучего города.

Цветы вдруг смотрят на нее одновременно и с уважением, и с недоверием.

В свой первый день Роза оделась как бдительная секретарша, чтобы показать остальным Цветам, что к делу она подходит со всей серьезностью. На ней туфли-лодочки из лакированной кожи, чулки с задним швом, короткое черное платье, стянутое на талии, помада цвета засохшей крови.

– Ты же знаешь, как тебе повезло там работать? – спра-

шивает Розу Фиалка.

– Да, почему ушла? – интересуется Жасмин.

– Хотела сменить темп, вот и все, – отвечает Роза, отмечая, как пристально за ней наблюдает Юдифь.

Флёр на мгновение закрывает глаза и улыбается.

– Понимаю. Всецело и полностью. Ты хотела увидеть, действительно ли жизнь на севере лучше.

Ива кладет книгу на стол, проводит по ежику волос рукой, смотрит прямо на Розу.

– И так ли это?

Роза все еще чувствует на себе взгляд Юдифи, и он заставляет ее отвечать с осторожностью.

– Конечно.

– Верно, Роза. Нам всем повезло быть на севере, – произносит Юдифь, одаривая Цветы благожелательной улыбкой. – Однако мы должны себя защищать. Вот почему, пока мы живем вместе, необходимо соблюдать определенные правила.

Юдифь говорит Цветам, что каждый день они должны совершать две прогулки: утром, после завтрака, когда на лагерь проливаются первые лучи солнца, и днем, когда оно садится. Ветер, гололед, снег, дождь со снегом – все это не имеет значения. Они должны гулять, продолжает Юдифь, независимо от погоды. Все остальное время их перемещения ограничены торговым центром. Их комнаты, кухня, неиспользуемые помещения универмага – постоянно в их распоряжении. Однако не стоит забредать без сопровождения в дальние угол-

ки центра, тем более – за его пределы, где шоссе, извиваясь, уходит еще дальше на север.

Роза уже знает, каково это – оставаться в помещении, когда в летние месяцы температура взлетает до сорока градусов и выше. Она неделями сидела в прохладе, обеспечиваемой центральной системой кондиционирования воздуха, когда снаружи от жары асфальт просто плавился. Торчать в четырех стенах для нее не проблема. Главное – с кем это придется делать.

– Запрещается пересекать шоссе, – продолжает Юдифь. – На том складе в данное время находятся Копатели, которые отчаянно нуждаются во всем, что только способно отвлечь их от тяжелых условий.

– Копатели? – переспрашивает Ирис.

– Да, Копатели. Мужчины, нанятые для работы на стройке, – поясняет Юдифь.

– Мы в состоянии о себе позаботиться. Уж мужчин-то мы знаем, – включается в разговор Фиалка.

– Таких, как эти, не знаете, – отвечает Юдифь. – Единственное, на что они годятся, – это копать ямы в земле. – Она смягчает голос. – В отличие от ваших клиентов, разумеется. Они настоящие джентльмены. – Юдифь смотрит в окно на падающий снег. – Какое это, должно быть, облегчение – чувствовать холод.

Несколько клиентов Розы из «Петли» проводили отпуск за полярным кругом, заплатив сумму, эквивалентную ее го-

довому заработку, чтобы подрейфовать на пароходе меж тающих айсбергов. «Утраченный мир, – сказал один, показывая Розе фотографию за фотографией голубого льда. – Когда-нибудь увидеть айсберг станет более невозможным, чем побывать на Луне».

Пророчества о том, как, что и, самое главное, кто выживет, были общей темой среди клиентов Розы. Они часто проговаривали, что в периоды кризиса планируют сохранить свои богатства. Офшорные банки. Офшорные города. Обращение нестабильных государственных облигаций в золото. Отказ от всех видов ископаемого топлива в пользу акций экологически чистой энергетики, с отводом значительной доли средств на мониторинг данных и исследований в области кибернетики.

«Мыслит ли Мейер иначе?» – гадают Роза. Если он хоть в чем-то действительно такой, каким его описал Дэмиен, тогда он все еще наивно верит в лучшее будущее. И Роза может использовать это в своих интересах: веру Мейера в то, что он способен спасти мир, а не просто нажиться на разрушении оного.

* * *

После завтрака из вареной овсянки Юдифь ведет Цветы ко входу в торговый центр и показывает, где хранятся их длинные парки на меху и зимние сапоги до колен. На каж-

дой куртке разноцветными нитками вышита эмблема: кроваво-красный бутон – у Розы, темно-синее гнездышко – у Фиалки, гроздь белых цветков – у Жасмин, розовые мазки – у Флёр, фиолетовые и желтые лепестки – у Ирис. В отличие от остальных, чьи цветы изображены срезанными со стебля, на куртке Ивы красуется целое дерево с длинными темными ветвями, которые тянутся вниз, к сложной корневой системе, и на каждой распускаются серебристые цветки. Роза однажды видела похожую иву на кладбище полуострова, где похоронен ее отец, вырезанную на сланцевых надгробиях пуритан, заселивших Восточное побережье столетия назад. Символ смерти, но также и возрождения.

Цветы разбирают предназначенные им парки, одеваются для прогулки на свежем воздухе. Когда они выходят наружу, солнце только встает. Занимается утро, бодрящее, яркое, морозное. Роза набирает полную грудь воздуха. Он настолько свеж, что прямо хоть сейчас запечатывай в маленькие серебряные цилиндрики и отправляй на юг, где он будет цениться как набитый пайками ящик во время голода.

Роза предпочитает не искать себе спутницу и гуляет одна по заснеженной стоянке вдоль металлического забора, которым отмечена граница их нового дома. Замечает посреди забора ворота с интеркомом для пропуска людей внутрь или наружу. Правила Юдифи – это не единственное препятствие, что удерживает здесь Цветы.

Роза смотрит, как они нарезают круги по замерзшей пар-

ковке. Гадает, лстит ли им то, что они прошли тщательный отбор. Их курировали. Слово само приходит на ум, непрошеное. Их курируют. Рыжую зрелую женщину. Утонченную богатейку. Подтянутую чернокожую. Мечтательную блондинку-художницу. Странную крутышку. И Розу, которая занимает роль скромной азиатки. Кто их выбрал и почему?

Кто-то похлопывает ее по плечу. Обернувшись, Роза видит рядом с собой Иву. В объемной парке и сапогах на меху она кажется еще более юной и длинноногой, чем на кухне.

– Они за нами следят, – указывает Ива.

На другой стороне шоссе, у склада, стоит группа мужчин в одинаковых костюмах цвета грязной воды. У каждого на плече лежит лопата.

– Копатели? – спрашивает Роза.

Ива кивает.

– Да. Юдифь говорит, что они грязные ублюдки.

Роза наблюдает, как они шутливо подпихивают друг друга локтями. Один толкает другого вперед, а тот смеется и отступает обратно.

– По-моему, безобидные.

Ива грубо смеется:

– Как ты можешь быть в этом уверена?

Трое Копателей направляются к середине шоссе. Они громко шутят, подзадоривая друг друга, пока один не отваживается наконец выйти вперед и постучать лопатой

по металлическому забору. Затем он что-то кричит и машет рукой. Цветы замирают, оглядываются. Копатель вдруг встает на руки и шагает на них вдоль забора, болтая ногами в воздухе. Ладони в перчатках оставляют в снегу глубокие следы.

Мужчина прыжком возвращается на ноги и отвешивает глубокий поклон. Раскрасневшийся от прилившей крови, он сверкает красивым женщинам в огромных пуховых парках золотой улыбкой.

Роза приветствует мужчину взмахом руки, и он снова кланяется, явно довольный, что ему удалось привлечь ее внимание.

Вдруг на шоссе что-то мелькает. Издалека по неподвижному пейзажу к Цветам синхронной процессией движутся шесть внедорожников, каждый тянет изящный прицеп-трейлер, мерцающий в лучах низкого зимнего солнца. Когда они проезжают мимо парковки торгового центра, Роза замечает на каждом капоте по маленькому зеленому флажку с геодезическим куполом. Тонированные стекла мешают что-либо разглядеть, но Роза знает: внутри машин сидят их клиенты.

Юдифь зовет Цветы их новыми именами; прежде чем последовать за ней, Роза оборачивается и смотрит, как внедорожники проезжают мимо рабочих лагерей, дальше на север. Куда они направляются – загадка, но Роза намерена ее разгадать.

Она спешит обратно в торговый центр. Ей следует подготовиться. Скоро придут клиенты, и она должна сделать так,

чтобы Мейер точно выбрал именно ее.

* * *

Вернувшись в комнату, Роза садится на кровать и по привычке касается себя за левым ухом. Морщится. Место, откуда извлекли Флик, все еще побаливает. Клиенты часто в восторженных выражениях разглагольствовали о том, как без вмешательства Флика разум становится «свободным», но свободное от работы время, как и большинство хостес «Петли», Роза предпочитала проводить в канале. Теперь, без Флика, ей неуютно, как будто из тела выдернули кусок. Однако сознание стало действительно чище, острее.

Роза берет с тумбочки книгу Мейера, читает введение:

Эта книга начинается простым допущением: что мы способны создать из разрушения? Строительство на руинах – стратегия, которую когда-то использовали в послевоенных условиях, на развалинах разбомбленных городов, на щедро удобренных мертвецами полях боя. Люди всегда создавали империи, рисуя границы кровью. Однако сейчас мы ведем войну не против наций, а внутри собственных стран и сообществ, против самого земного шара. Мы должны начать восстановление на земле, что была разрушена человеческой глупостью: бывший ядерный полигон, вырубленный лес, разоренный после урагана город, разрытое место добычи

нефти. Земле нужны люди, которые будут за ней ухаживать, заботиться о ней, строить и мечтать. Если привлекать людей к жизни среди руин, мы все еще, быть может, имеем шанс выжить.

Последнее, что Дэмиен рассказал Розе перед ее отъездом в лагерь: Мейер будет утверждать, что выживание – черта, присущая человеческой эволюции.

«Но выживание – это всегда выбор, – заметил Дэмиен, когда они сидели за столом розового дерева в его номере. Он потянулся к ее руке, прижал большой палец к венам на запястье. – Ты можешь выбрать жизнь или решить погибнуть. Твое слово, моя дорогая».

«Жизнь», – ответила Роза. Под пальцем бился пульс.

«Разумный выбор, – кивнул Дэмиен. – Позволь показать, что ты получишь, когда вернешься».

Дэмиен отвел Розу в квартиру, которую выделил для нее с матерью: белый куб с окнами от пола до потолка, выходящими на мерцающий Атлантический океан.

«Будешь первой видеть восход солнца, – сказал Дэмиен. – И тебе больше никогда не придется думать о материке».

В то время она едва могла поверить, что им будет принадлежать такая жизнь. Стереть все, что было раньше. Открыть чистую страницу. Начать заново.

Роза откладывает книгу Мейера и смотрит из окна своей спальни на снег, падающий на лапы сосны. Маленькая птичка порхает с ветки на ветку, не желая задерживаться на ме-

сте. Роза гадает о том, что же мать подумает о Плавучем городе с его сверкающими торговыми центрами и благоустроенными зелеными насаждениями, огромными башнями, которые будто ведут беседы с небесами. А если мать не захочет снова видеть океан? Это беспокоит Розу. Вдруг то, что они потеряли, невозможно заменить?

Резко взмахнув крыльями, птичка взлетает. Роза смотрит, как она по дуге поднимается в небо, пока наконец не исчезает.

Глава 2. Грант

Земля кажется Гранту пустой. Он сидит в самолете на месте 1А, с пластиковым стаканчиком первоклассного виски в одной руке и опустошенным пакетиком соленой соломки – в другой. Смотрит на свою новую страну. Иллюминатор усыпан крошечными снежинками, тундра – вечнозелеными растениями. Гранитные горы вздымаются из ледяных озер, голубых, как яйца малиновки. По крайней мере, он так думает. Грант никогда не видел яиц малиновки вживую. Птицы в Плавучем городе, как правило, инбредны, содержатся в клетках, и каждую весну их отпускают на волю. В свой более эксцентричный период жизни Грант просматривал фото

яиц малиновки в канале Флика, выискивая точный оттенок глаз Джейн, и обнаружил еще одно его название – «голубой потерянного яйца». Тогда Грант восхищался поэтичностью термина, считая его достойным отражением любви к Джейн. А теперь он чувствует себя потерянным – и на этом все.

Ну вот, опять. Одна мрачная мысль – и он снова в бездне. Вот так просто вся надежда, которую он накопил для путешествия, угасла. *«Мыслите позитивно, – часто повторял психотерапевт, которого нанял отец. – Создавайте лучшую реальность через самосознание».*

Грант снова смотрит в иллюминатор и пытается почувствовать себя счастливым. «Здесь все выглядит более ясным, чем в Бостоне», – заключает он и замечает, что настроение улучшается. Может, дело в третьем виски или в том, что Грант оказался за тысячи миль от семьи и всего оставленного позади. «Нет, – думает он, – всего дерьма, от которого я наконец-то сбежал».

Когда самолет идет на снижение, Грант видит, что земля не пуста. Отрезки льда перемежаются постройками. Почерневший сарай, сгоревший дотла в лесном пожаре. Зерновой элеватор, красный от ржавчины и пустой. Нефтяной насос, застывший в наклоне. Прямой участок шоссе, где до сих пор никакого транспорта. Нигде нет движения. В сущности, ничто не кажется живым.

И тут вдалеке он видит зеленые огни посадочной полосы. Самолет касается земли, маленькой светящейся террито-

рии, вздрагивает и катится по полосе асфальта к концу пустыря. По иллюминатору стекает конденсат, Грант случайно сминает пластиковый стаканчик. Он единственный пассажир в рассчитанном на шестерых самолете, но, как прилежный мальчик из Уолдена, ждет, когда погаснет надпись «Пристегните ремни», прежде чем встать. Он стряхивает крошки с брюк, вытаскивает чемодан из верхнего отделения, тщательно завязывает вокруг шеи кашемировый шарф.

Он почти у цели.

Волоча чемодан по замерзшему асфальту, Грант оглядывается и видит, что самолет вновь катится по полосе и взлетает. Что, ни один пассажир не возвращается? Удивительно. Грант предполагал, что в начале семестра путешественников будет немало. Он наблюдает до тех пор, пока самолет в небе не превращается в точку.

Местный терминал оказывается никаким не терминалом, а бывшей заправкой с пристроенным рядом запущенным motelом. Перед заправкой все еще стоят две колонки, на motelе то включается, то выключается неоновая вывеска: «СВОБОДНО. СВОБОДНО. СВОБОДНО».

Грант ставит чемодан у входной двери заправки, протирает платком запотевшие очки, прежде чем оглядеть комнату в тускло-желтых цветах: хот-доги, что лениво вращаются рядом с древней банкой маринованных огурцов, потертые столы и порезанные виниловые кресла, приклеенное скотчем к стойке радио, настроенное на белый шум. В витрине

вывешена табличка, написанная от руки, – предупреждение заблудшему путнику:

«Это ПОСЛЕДНЕЕ пристанище.

Все северные дороги не изведаны и запущенны».

Внутри всего три человека: два дальнобойщика с устрашающего вида растительностью на лице, в шерстяных шапках-ушанках и куртках-бомберах на подкладке, а еще касир, девушка-подросток, которая избегает зрительного контакта, когда Грант, улыбнувшись, здоровается. Он чувствует, как мужики с подозрением оглядывают его кеды и тонкую вельветовую куртку, и жалеет, что не взял с собой ничего, кроме блейзеров, мятых рубашек и единственной пары лоферов с кисточками, подарок матери, которые, как он теперь понимает, придадут ему вид типичного мудилы из Лиги плюща. Ни шапок. Ни перчаток. Ни обуви, в которой можно пробираться сквозь полтора метра снега. Как доберется до кампуса, придется закупить целый гардероб из шерсти в клеточку.

– Прошу прощения, не мог бы кто-нибудь отвезти меня в Доминион-Лейк? – спрашивает Грант у мужчин. Он похлопывает себя по карманам куртки, достает из бумажника пачку американских купюр.

Оба мужика раздражаются утробным хохотом, сверкая золотыми зубами. Значит, то, о чем читал Грант, – правда: здешние мужчины хранят заработок в зубах.

– Доминион-Лейк? – наконец произносит один, поправ-

ляя шапку и обнажая татуировку нефтяной вышки на предплечье. – В Доминион дороги нет.

Второй отводит взгляд, согревая ладони кружкой черного как смоль кофе.

– Нет, есть. – Грант разворачивает карту на столе. – Вот тут, – он постукивает пальцем по водоему в форме человеческой почки. – Если вы меня туда отвезете, я хорошо заплачу. – И кладет рядом деньги.

– В Доминион дороги нет, – повторяет первый мужик и отворачивается, показывая, что разговор окончен.

– Я уверен, что тут есть маршрут, – настаивает Грант с куда большим отчаянием, чем ему хотелось бы.

Второй мужик бросает взгляд на извивающуюся линию и коротко кивает.

– Когда-то возили топливо, наверное. Туда больше никто не ходит.

– Вообще я направляюсь в колледж Доминион, – говорит Грант. – Вы наверняка о нем слышали. Знаю, что в здешнем регионе он большое достижение.

Первый мужик, помолчав, смотрит на Гранта с любопытством.

– Ты откуда будешь, парень?

– Из Бостона, – отвечает Грант, но поправляет себя: – Ну, на самом деле я родился в Кембридже, в учебной клинике при Уолдене. – Он более чем немного взвинчен, раз ведет такие разговоры. Этим людям явно плевать на географические

границы Новой Англии. – Но моя семья родом из Бостона.

– Уолден? – спрашивает второй мужик. – Типа как университет?

– Да, – кивает Грант. – Окончил его в начале года.

На лице мужика появляется отвращение.

– Ты что, нацуклонист?

Грант еще никогда не слышал, чтобы термин «нацуклонист» произносили вслух. Только читал в колонках, где описывали американцев, которые скупают землю на севере Канады, отчаянно нуждаясь в ее холодном климате и широких безлюдных пространствах. Слово должно, разумеется, его унижить, однако Грант не позволит этим мужикам увидеть его раздраженность.

– Нет, клянусь. Я здесь, чтобы преподавать английский в колледже. – Грант все равно пододвигает к собеседнику пачку банкнот. – Пожалуйста. Если вы меня отвезете, я устрою оплату.

Мужики встают, оставляя купюры нетронутыми.

– Не все на севере продается, – говорит второй, приподнимая шапку.

Грант беспомощно смотрит, как они уходят, затем снова кладет деньги в карман. Когда дверь закрывается, он садится за стол и тапает себя за ухом, ожидая появления канала. Его нет. Грант снова тапает. «Включись на секунду», – умоляет он. Только чтобы проверить GPS. Но канала все нет, местоположение не запеленговать.

– Связь пропала? – спрашивает Грант у девушки за кассой. – Не могу включить Флик.

– У нас тут нет связи, – отвечает она.

– Что, постоянно? – недоверчиво уточняет Грант.

– Ага. Мы очень близко к северу.

Из всех методов познания, которые Грант изучил в Уолдене, самым радикальным было выключение Флика. Как и у всех однокурсников, Флик был первым объектом, пронзившим его тело. Устройство было с Грантом с самого рождения, излучая невидимую силу, которую тот считал слишком обыденной, чтобы подвергать сомнению. Даже когда он сидел на семинарах и обсуждал прочитанное за неделю, офлайн, Флик оставался на месте, вшитый за левым ухом, терпеливо ждущий, когда его вновь тапнут. И пусть Грант практиковал воздержание от просмотра ленты во время занятий, он часто этим злоупотреблял, когда возвращался домой. Пауза делала стремительный поток еще слаще, и когда канал накрывал его волной, то Грант временами ощущал даже нечто сродни возбуждению. Узнав, что связи здесь нет, он встревожился еще сильнее.

Кассирша качает головой и переключает внимание на радио. Ищет волну, пока сквозь сплошной белый шум не пробивается поп-музыка, которая быстро исчезает.

– Если хотите, можете воспользоваться стационарным телефоном.

Рядом с кассой стоит древний дисковый аппарат. Под-

нимая трубку, Грант удивляется тому, какая она тяжелая и теплая. Он прикладывает ее к уху и чувствует маслянистый запах чужой кожи. Ощущение одновременно интимное и неудобное, как будто он прижался щекой к подмышке незнакомца. Протерев трубку манжетой, Грант набирает номер.

Спустя три гудка ему отвечает мужчина:

– Мейер, слушаю.

– Да, здравствуйте. Это Грант Гримли. Я новый сотруд...

– Грант! – перебивает Мейер. – Мы ждали вас вчера.

– Я все сейчас объясню. Не успел на пересадку в городе, пришлось нанять самолет, на котором долетел как можно дальше на север.

– И где вы сейчас?

Грант пытается вспомнить название местности, нечто грубое, грозное, вроде Викинга. Оглядевшись, замечает в пепельнице рядом с телефоном старомодный спичечный коробок: «Добро пожаловать в Вандал! Где даже дороги вымощены нефтью».

– Застрял на заправке в Вандале, не могу найти попутку до кампуса. – Подняв глаза, Грант видит, что кассирша повернулась к нему спиной, и быстро сует коробок в качестве сувенира в карман.

– Не проблема, Грант. Завтра заберу вас лично. – Мейер делает паузу и добавляет: – С нетерпением жду встречи с вами, Грант. Слышал немало многообещающего.

– Взаимно. И не могу дождаться встречи со студентами.

– Мы все жаждем с вами познакомиться. А пока хорошенько выспитесь, увидимся завтра.

Грант вешает трубку и с облегчением вздыхает. Уже на следующий день он будет в кампусе вкушать горячую пищу в столовой. Поплавать в бассейне с морской водой, чтобы расслабить затекшие мышцы, полистает в библиотеке коллекцию англоязычной литературы двадцатого века. Еще всего лишь один день путешествия – и наконец можно будет распаковать вещи в новой квартире. Он надеется, что там найдется рабочее место у окна, может, даже удобное кресло для чтения, откуда он будет любоваться падающим снегом.

Грант вновь чувствует проблеск чего-то светлого. Чем больше он сосредоточивается на ощущении, тем четче оно становится, начиная казаться надеждой. Грант замечает, что кассирша встряхивает банку, наполненную мармеладными желейными конфетами в виде хот-догов.

– У вас здесь вся еда в виде хот-догов? – указывает на них Грант.

Девушка отводит взгляд, затягивая потуже высокий конский хвост.

– Хот-доги. – Грант постукивает пальцем по банке, чтобы привлечь внимание девчонки. – Они повсюду.

– Окей... как скажете. – Она закатывает глаза.

– Не берите в голову. Это была шутка. – Грант делает паузу.

зу, однако ответа не получает. – Мне нужна комната на ночь.

– Комнаты наверху, – говорит девушка, по-прежнему избегая его взгляда. – И оплата вперед, наличными.

– У меня только американские. – Грант кладет на стойку пачку денег.

Кассирша бросает на него скептический взгляд.

– А больше ничего?

– Мне сказали, что здесь принимают американские. – Грант старается держать ровный тон.

– Менеджеру не нравится, когда у нас тут шныряют американцы. Говорит, что нам больше нельзя брать ваши деньги.

– Ох, – отзывается Грант. – И почему же?

Девушка смотрит на него пустыми, полными скуки глазами, словно ответ на его вопрос предельно очевиден.

– Мы знаем, что вы задумали. Скупаете землю. Пытаетесь выбраться из собственной страны. – Кассирша пожимает плечами, потом наклоняется вперед и шепчет: – Не то чтобы я винила вас лично. Но правила устанавливает менеджер.

Она поворачивается и постукивает пальцем по написанной от руки и прикрепленной к стене табличке, которую Грант до этого не замечал: «НИКАКИХ БАКСОВ ОТ ЯНКИ!»

– Слушайте, мне просто нужно место для ночлега. – Грант все равно придвигает к девушке пачку денег. – Пожалуйста. Я в отчаянии.

Она подносит одну зеленую купюру к лампе накаливания, словно изучает давно погребенное под слоем ила ископаемое.

– На Бога уповаем, – зачитывает она вслух и смотрит на Гранта с ухмылкой. – Вот и первая ваша ошибка.

Грант лезет в карман куртки, нащупывает обнадеживающую его золотую монету. Ее он предложит лишь в самый последний момент.

– Всего одна ночь, обещаю.

Девушка отодвигает наличку обратно.

– Ваши деньги здесь не помогут.

– Ладно. – Грант достает и кладет на стойку монету. – Полагаю, золото вы принимаете?

Девушка улыбается, и Грант видит, что и у нее на передних двух зубах красуются золотые коронки. Она ловко бросает монету в кассовый аппарат, после чего вручает Гранту ключ от номера.

– Выезд в одиннадцать.

* * *

В номере мотеля, лежа на кровати, Грант чувствует себя опустошенным, из-за того что рано в своем путешествии отказался от золотой монеты. Ее в детстве подарил ему отец, на ней был оттиск лица иностранного диктатора, который сильно превратил всю валюту своей страны в золото, когда

рухнули финансовые рынки. «Всегда держи во внутреннем кармане ценный ресурс, – сказал отец. – Даже если придется носить с собой память о порочном человеке». Грант делал, как велено, и хранил монету в напоминание об этике своей семьи, сначала во имя оной, затем вопреки.

«Монета больше не имеет значения», – успокаивает себя Грант и садится. Здесь никто не знает его семью. Отчасти поэтому он и согласился на эту работу. Единственный способ перестать быть Гримли – перебраться туда, где это имя ничего не значит.

Он все еще горд, что его наняли благодаря его личным заслугам. Отец не дергал за ниточки, никто не звонил кому-нибудь давнему приятелю по школе бизнеса. Образование в Уолдене, вероятно, не повредило, но Грант ведь сам написал сопроводительное письмо, где старательно объяснил, почему хочет «помогать обществу, обучая студентов, отличных от контингента Уолдена». Может, вышло немного очевидно, однако этого хватило, чтобы ему предложили пройти видеособеседование, на котором он и убедил рекрутера в своих обширных знаниях в области преподавания английского языка на начальном уровне.

«Чушь собачья», – думает Грант и плюхается обратно. В действительности у него нет никакого опыта, и последние две недели он просыпается посреди ночи, охваченный глубоким и стойким чувством собственного несоответствия. Сколько там канадских душ жаждут образования, которое

принесет им он?

И чему он их научит? До недавнего времени его жизнь была полна легкости. Он плавно плыл по течению, огражденный от внешнего мира тем, что всякий выбор был сделан за него еще до того, как он сам начинал понимать, что это вообще был выбор. Ничуть не помогало и острое осознание своих привилегий. Он вырос в семье, чье имя высечено на мраморных стенах первой публичной библиотеки страны. В ее честь называли улицы, учебные заведения, финансовые центры. И теперь на их деньги строят приватизированные города.

«Быть Гримли – значит отбиваться от зависти тех, кто не принадлежит к Гримли», – всегда повторял отец, прежде чем пуститься в долгий, обросший легендами пересказ наследия их рода: о том, как Гримли сколотили состояние, финансируя поставки опиума, рома и рабов через океаны. Когда их товары стали политически сомнительными, семейство переключилось на текстиль, основав хлопчатобумажные фабрики, что прославились долговечностью производимой одежды и жестокими условиями труда. После забастовок фабрики пришлось закрыть, а семье – переехать за границу в поисках более дешевой рабочей силы. Вновь Гримли открыли себя в недвижимости, распилив Бэк-Бэй и Бикон-Хилл и вложив остаток состояния в нефтяные скважины в терзаемых войной и диктатурой странах. Когда нефть обесценилась, Гримли переключились на зеленую

энергетику и автономные города, финансируя первый Плавающий город в Бостонской бухте и занимаясь добычей редкоземельных минералов. Богатство Гримли настолько велико и интегрировано, что отец никогда не думал о нем с точки зрения денег – их семья была просто-напросто частью американской истории.

Отец ошибается. Даже историю можно переписать. Изучив на курсе европейской истории Французскую революцию, Грант задался вопросом: будут ли когда-нибудь вспоминать род Гримли как раздутый пережиток аристократии? Ведь их успех, влияние, состояние созданы путем выжимания средств из труда рабочих. В моменты наимрачнейшего настроения Гранту нравилось представлять захват кристаллического Плавающего города. Как туда хлынет стремительная толпа оборванных и грязных героев из рабочего класса, вооруженных топорами, лопатами, ржавыми кирками, как они взберутся по лестнице прямо к угловому кабинету отца. Грант всегда останавливал апокалиптические видения у самой двери, ставил кровопролитие и битое стекло на паузу. Пусть Грант и презирал отца, но они все же близкие родственники.

Если он неспособен убить отца даже метафорически, тогда все, что ему остается, – это сбежать. Грант расстилает на полиэстеровом покрывале карту, чтобы наметить свой путь в колледж. Вот, должно быть, Вандал. Грант обводит заправку, и вот здесь – он ведет дальше, до синей «почки», –

лежит озеро Доминион. Просто пятно, от которого по глубоким землям ползет едва заметная линия.

Грант идет в ванную, чтобы побриться, но застывает, увидев себя в зеркале. Щеки покрыты жесткой щетиной, сам немывтый, с диким взглядом. Он впервые в жизни видит, как выглядел бы, будь он другим человеком.

«Ты всегда будешь Гримли, – сказал отец перед отъездом Гранта. – Побег ничего не изменит».

Он докажет, что отец неправ. Моментально Грант решает не бриться и возвращается в кровать, залезает под жесткое от холода одеяло. Закрывает глаза. Сон приходит так быстро, будто задернули занавес.

* * *

На следующее утро у заправки, где в ожидании стоит Грант, останавливается черный внедорожник с серебристым трейлером. Дверь автомобиля распахивается, и оттуда выходит красивый, ухоженный мужчина в куртке из овчины. Его аккуратно причесанные волосы одного со снегом белоснежного цвета. Он идет к заправке легкой, бодрой походкой, обутый в пару блестящих ботинок. Коротко свистит – и из машины выскакивает шустрый английский пойнтер, который своей гладкой, лоснящейся шерстью идеально дополняет утонченность хозяина.

Грант выходит наружу.

– Мейер? – неуверенно спрашивает он.

– Нет, я ваш канадский похититель, – мужчина смеется. – Разумеется, я Мейер. Идите-ка сюда, пока не окоченели.

Грант следует за Мейером к машине, забирается на пассажирское сиденье. Собака тоже запрыгивает внутрь и устраивается на заднем. Из динамиков доносятся переливы саксофона и синтезатора. Музыка зажигательная, сдержанная и немного меланхоличная.

– Этно-джаз, – отвечает Мейер, когда Грант спрашивает, что это. – У меня фантастическая коллекция оригинальных виниловых пластинок, которые приедут в следующем семестре.

– А откуда вы?

– Лос-Анджелес в основном. Во всяком случае, там находится мой склад. Раньше у меня было бунгало в Джошуа-Три, но я его продал, как только ежедневная температура там достигла сорока трех градусов. – Мейер качает головой. – Ужас, что творится на юге. – Он приоткрывает окно на пару сантиметров и вдыхает полной грудью. – Вот почему я люблю север. Свежий воздух. Чистый. Без примеси. Когда вы в последний раз дышали таким?

– В прошлом июне, – говорит Грант и медленно вдыхает прохладу. – Мой профессор отпраздновал публикацию своей книги, заказав ящик с новозеландским воздухом.

– Канадский не такой. Он холодней и суше. Меньше соли, потому что мы прилично удалены от побережья, – объясняет

Мейер. – Мы тут, видите ли, в субарктическом климате. Хотя сто пятьдесят миллионов лет назад эти места были дном океана. Если копнуть достаточно глубоко, можно найти тела морских беспозвоночных, запертых в минеральных могилах. Здешние жители добывали аммонит, делали из него украшения.

– А почему перестали? – Грант смотрит в окно, за которым проплывает пейзаж – ряды засохших сосен, что время от времени прерываются почерневшей фермой с провалившейся крышей. Среди обломков мелькает обугленный корпус автомобиля, и Грант старается не думать, каково это – быть заживо сожженным.

– Ископаемое топливо, конечно. Машина с помощью бу-
сиков бегать не будет. – Мейер включает левый поворотник, хотя они на дороге совсем одни.

– Но теперь, после запрета на нефть, все свернули?

Мейер кивает:

– Да, пятнадцать лет назад буровые остановились. Вы ознакомились с регионом, я впечатлен. Собственно, меньшего от мальчика из Уолдена ожидать и не следовало. Знаете ли, я сам там обучался, пока сие заведение не стало местом лишь для немногих счастливицков.

Грант бросает взгляд на лежащие на руле руки Мейера.

– Кольцо вашего выпуска?

– Выпуск 2014-го. А вы окончили колледж как раз в этом году, не так ли?

Грант теревит собственное кольцо, вспоминая, как осторожно играла с ним Джейн, когда не могла заснуть.

– Выпуск 2049-го. Но его вес меня всегда тяготит.

– На самом деле это дань ностальгии. И кольцо действительно откроет определенные двери, если его владелец того захочет. – Мейер делает музыку тише. – Что еще вы узнали об этих местах?

– Что это территория коренных народов, – отвечает Грант, – но нефтяные компании выжили некоторые из исконных наций с их земель.

– Верно, Грант. – Мейер машет рукой в сторону деревьев. – Теперь наши следы должны быть много легче, в большей гармонии с миром природы.

– Местные настроены враждебно? Пара человек на станции назвали меня нацуклонистом и отказались везти на север.

Мейер ощетинивается.

– Меня не перестает удивлять ирония оккупации. Эти люди произошли от первых переселенцев, которые украли эту землю у аборигенов, и все же именно нас они именуют захватчиками. Мы ее, по крайней мере, честно купили.

– Но мы для них все же захватчики, верно?

Мейер качает головой.

– Скоро они увидят в нас друзей. Местным нужны рабочие места и будущее. Будут брать то, что дают, даже у группы американцев с намерениями, выходящими за узкие рамки

их понимания. – Он выключает музыку и, глянув на Гранта, вновь смягчает голос: – Эта страна нуждается в идеологии, выходящей за пределы выгодной добычи. Однажды они поблагодарят нас за то, что мы здесь живем. – Мейер кивает на окно: – Видите вон ту трубу?

Грант впервые обращает внимание на серебристый трубопровод, что тянется вдоль шоссе сантиметрах в тридцати над землей, змеится к горизонту и наконец исчезает в густой роще.

– Когда-то по этой трубе можно было проследовать до самой границы со Штатами, – объясняет Мейер. – Теперь все это совершенно бесполезно. – Он постукивает по рулю внедорожника. – Машинка, разумеется, на электротяге. Мы тут пытаемся строить лучшее будущее. Однако любые дальновидные планы не исключают жертв. Боюсь, мы отстали от графика.

– Что вы имеете в виду?

– В этом месяце мы только приступили к строительству кампуса.

– То есть кампус еще не открыт?

– В данный момент проект в стадии производства. Знаю: при приеме на работу вам обещали определенные жилищные бонусы, поэтому хочу быть с вами предельно откровенен. Это настоящая работа, Грант, вас не будут везде водить за ручку, как в Уолдене. Однако ее сопровождают и определенные недостатки. Неприхотливая пища. Простой быт.

Но обещаю: как только мы все наладим, вы первым переберетесь в новое жилье.

Дома в Плавучем городе ждет стеклянный кабинет с надписью «Грант Гримли» на двери. Первая башня. Самый верхний этаж. Прямо рядом с угловым кабинетом отца. Все, что нужно. Одна-единственная просьба – и уже завтра в небе появится вертолет. Через сорок восемь часов Грант будет сидеть в кожаном вращающемся кресле и глядеть, как волны Атлантического океана, пенясь, омывают набережную. Отец встанет в дверях и скажет извиняющимся тоном: «Забудь о Джейн, Грант. Почему бы тебе не навеститься в “Петлю”?»»

Грант смотрит на серебристую трубу, зная, что отец никогда не найдет его здесь, вне Сети, с выключенным Фликом. Мысль наполняет его пьянящим счастьем. Он совсем один. Впервые в жизни. Никаких уведомлений, которые его достанут. Никакого геотрекера, который фиксирует его перемещения. Никто в мире не знает, где он, кроме Мейера.

Грант поворачивается к нему.

– Я никогда не вернусь на юг.

– Хорошо, – кивает Мейер. – Я знал, что могу на вас положиться.

* * *

Здание, рядом с которым Мейер высаживает Гранта в До-

минион-Лейк, представляет собой квадратный склад, на вид уже лет десять, не меньше, заброшенный. Своего рода душераздирающе типичная конструкция, что Грант всегда ассоциировал с пригородом, подобные которой, казалось, простирались до бесконечности за пределами Бостона. Мейер пообещал, что внутри его встретит Бригадир, и Грант волочит свой чемодан по утрамбованному снегу ко входу. Окна заклеены местной газетой, потемневшей и сморщившейся от солнца. Объявление о скидках на свиные отбивные в магазине смешанных товаров. Статья, где автор беспокоится по поводу резкого падения цен на газ. Еще одна – о запрете на нефть. Грант стучит костяшками пальцев по оконному стеклу и ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.